

Ася Шейн

**КСЮШКИНЫ
РАССКАЗЫ**

Сборник рассказов

Ася Шейн

**Ксюшкины рассказы.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Шейн А.

Ксюшкины рассказы. Сборник рассказов / А. Шейн —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-640265-2

Ксюша — девочка, которая учится в четвертом классе и уже знает, кем станет, когда вырастет. Она хорошо рисует, много поет, быстро бегает, а еще — умеет быть не такой, как все. На примере Ксюшиных историй читатель узнает:— что такое любовь и дружба,— как справиться со своими страхами, ревностью и жадностью,— как пережить смерть близкого,— и как понять, что для тебя важно.

ISBN 978-5-00-640265-2

© Шейн А.
© Издательские решения

Содержание

В ПЕСОЧНИЦЕ	6
ЖАДИНА	10
ПЛАКСА	14
ПОСЛЕДСТВИЯ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ксюшкины рассказы

Сборник рассказов

Ася Шейн

© Ася Шейн, 2024

ISBN 978-5-0064-0265-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В ПЕСОЧНИЦЕ

Пожалуй, эта история – самое первое, что я запомнила в своей жизни.

Мне было года четыре. И обычно дети редко помнят что-то из столь раннего возраста. Но тут был особый случай.

Летом я очень любила гулять на улице. Во дворе стояли большие качели, горки, лазалки и песочница, в которой постоянно копошились малыши. Строить замки и лепить фигурки из песка – было моим самым любимым занятием.

Особенно я любила делать это с кем-то, а потом продавать куличики в вымышленном магазине на лавочке. И получать за них деньги из листьев.

В этот раз в песочнице нас было четверо. Аня, Антон и Маша стряпали куличики с помощью маленьких фигурных контейнеров и игрушечной лопатки. Я тоже разложила свои формочки в виде рыбки, ежа и слоника. А в ведре принесла немного воды, чтобы песок склеивался лучше.

Мы складывали все получившиеся пирожки рядом друг с другом. Но в какой-то момент Антон стал отодвигать все фигурки в сторону, отделяя их от своих.

Я не поняла, почему он так сделал, и пододвинула наши фигурки обратно.

Он снова молча отодвинул их. Я – вернула на место.

Тогда Антон отделил мои фигурки и столкнул их с края песочницы вниз.

– Что ты делаешь? – закричала я. Но поступить также с его фигурками не могла себе позволить. – Мы же их хотели продавать, – сказала я, сдвинув брови и строго глядя на него.

Тогда Антон (а он был больше меня в два раза) одной рукой смахнул все остальные фигурки вниз. Они упали и рассыпались.

– Вот и продавайте, – довольно сказал он и отвернулся к своим пирожкам.

Девочки смотрели на нас, приоткрыв от удивления рты, и только мотали головой туда-сюда.

Мне стало обидно, что он сломал наши куличики. И еще больше – от того, как нагло и спокойно стал играть дальше. Поэтому я схватила свой маленький контейнер и, размахнувшись, ударила его по руке.

Антон заревел от испуга и кинул мне в глаза горсть песка. Я, почти не понимая, что происходит, схватила ведро с водой и плеснула в него. Пара капля попала ему на футболку.

В этот момент к Антону подбежала его мама и взяла на руки с криком, какая я злая девочка. А ко мне подбежала моя мама, и сказала, что так делать нельзя.

– Извинись, – потребовала она, вытаскивая меня из песочницы.

– Но он первый начал, – пролепетала я, и тихо стыдливо извинилась.

Тем временем Антон корчил мне рожи и показывал слюну, которую хотел в меня плюнуть. И которая выливалась у него изо рта. А я моргала, пытаясь справиться с песком, попавшим в глаза.

Но мама Антона все равно кричала на меня. И тогда моя мама ей ответила, что она сама со мной поговорит, и кричать на меня не надо.

Маме Антона это так не понравилось, что она пообещала подать на меня и на мою маму в суд. И только потом удалилась, по-прежнему держа его на руках.

Я тоже стала проситься домой. Играть больше не хотелось.

Мама повела меня на качели и стала раскачивать до солнышка.

– Разозлилась, да? – как бы утешающим тоном спросила она.

Я кивнула.

– Я понимаю, – сказала мама, – ты хотела играть вместе со всеми, а он хотел играть один, по-своему. И вы не договорились.

– Мам, он сломал наши куличики! – возмутилась я.

– Знаю, знаю, – мама вздохнула, – я ведь не осуждаю тебя. Все пошло не так, как ты хотела, и ты разозлилась. Это естественно и нормально. Любой бы разозлился.

Качели раскачивались медленней, и я почти доставала одной ногой до земли.

– Я тоже иногда злюсь, – сказала мама. – Знаешь, как я сильно вчера разозлилась на папу, когда он переключил мой интересный фильм на свой неинтересный футбол? Очень сильно!

Я удивилась:

– Правда? Но вы же не ругались... – заметила я.

Мама улыбнулась мне:

– А я сказала ему, что очень злюсь. А он мне тогда рассказал, что его футбол идет в прямом эфире. И это значит, что нужно посмотреть прямо сейчас. А мой фильм он нашел мне в записи, на кассете. И мы его вместе потом досмотрели.

– И ты не расстроилась? – спросила я, глядя на нее.

– Немного... Но мы нашли компромисс.

Я открыла рот, услышав незнакомое слово. Мама снова улыбнулась мне:

– Компромисс – это выход, который устраивает всех. Когда два человека понимают желания друг друга и придумывают, как сделать так, чтобы обоим было хорошо.

– Получается, и мы с Антоном должны были придумать? – задумалась я.

– Ну, вы могли попробовать. Но что точно не нужно было делать, так это драться, – мама заглянула мне в глаза.

Я кивнула.

– Надо было поговорить. Сказать ему, что ты злишься, ведь он ломает твои фигурки. И объяснить, что хотела бы играть с ним вместе.

– А если бы он не стал со мной говорить? И все равно бы сломал их? – я так расстроилась, что нижняя губа немного выступила вперед.

– Тогда ты просто перестала бы с ним играть. Хочет быть один – пусть будет один.

– Тогда он бы меня обидел, а я его – нет, – я угрюмо засопела. Мне не нравилась мысль, что кто-то может меня обижать.

– Зато я бы гордилась тобой, – мама потрепала меня по волосам. – Я бы гордилась, что у меня вырос такой умный ребенок, который может себя контролировать. А для Антона, поверь, самым худшим наказанием в жизни будет его плохой характер, если он его не исправит. И то, что у него не будет друзей. Ведь ты же не будешь дружить с тем, кто тебя обижает?

Я улыбнулась:

– Не-а.

Мама улыбнулась в ответ:

– И никто не будет.

ЖАДИНА

В один из воскресных дней к нам в гости пришла соседка баба Вера со своим внуком Лешкой.

Леша был младше меня всего на год. Поэтому все взрослые были уверены, что нам будет весело вместе, и мы непременно должны подружиться.

Однако Лешка не только был младше меня, но еще и выглядел на пять лет, ковырял пальцем в носу и постоянно молчал. А еще, делал все, что я ему скажу.

Я не знала, что он сам думает о разных вещах, и что ему нравится. Поэтому, возможно, с ним было бы легко дружить. Но почему-то – неинтересно.

В тот день все взрослые за столом баловали маленького Лешку и подкладывали ему вкусности. А, когда дело дошло до чаепития, мама достала мою коробку конфет, принесенную на Новый год дедом Морозом, и предложила всем угощаться.

В глубине души я возмутилась этим поступком. Но молча следила за тем, чтобы конфеты остались на месте.

Баба Вера обычно приходила к нам в гости со своей маленькой собачкой Плюшей. Это был бежевый кудрявый кокер-спаниель, которому ничего нельзя было есть, кроме специального корма. Но песик, при этом, был очень милым попрошайкой, всегда клал мордочку на колени и умоляюще глядел на любого, кто сидел за столом.

Глупый Лешка никогда не мог устоять перед этим взглядом, и совал собаке колбасу, хоть и знал о последствиях. Поэтому, ближе к концу вечера мы слышали, как маленькая Плюша в очередной раз пускает слюни на ковер, и сбежались, чтобы ее пожалеть.

Когда я вернулась в комнату после грустно-забавного зрелища, я увидела такую картину: баба Вера, держа в руках целую горсть моих конфет, пыталась запихнуть их Лешке в карман. А в моей новогодней коробке осталась всего лишь одна конфета.

– Эй, – не удержалась я, – это мои конфеты!

В комнату вернулись взрослые, и баба Вера с наигранным удивлением смотрела на меня.

– Положи обратно, – сказала я Лешке, и указала пальцем на коробку.

Глупый Лешка достал из кармана конфеты и смотрел то на меня, то на свою бабушку, не зная, что предпринять.

– Это что за жадная девочка у вас растет! – возмутилась баба Вера, глядя на мою маму. – Нельзя быть такой жадиной!

– Конечно, жадная, – сказала мама, строго посмотрев на бабу Веру. – Вы же ее провоцируете!

Я подумала, что злюсь очень даже вовремя. Забрать тайком почти все конфеты – ну, это же просто нечестно!

– Вообще-то, – воскликнула баба Вера, – с гостями надо делиться, гостей принято угощать. А вы сейчас воспитываете жадину!

Баба Вера скрестила руки на груди и даже не смотрела на меня.

– Мы гостей, конечно, угостим, – сказала мама, – но все вкусное в нашем доме принято делить пополам.

И она забрала у застывшего Лешки горсть конфет. И стала каждому сидящему за столом давать по конфете. А оставшиеся – закинула обратно в новогоднюю коробку и сказала:

– Ну, вот, теперь всем приятно.

Но баба Вера встала из-за стола, схватила Лешку подмышку и вскричала:

– Ну, и забирайте свои конфеты! Что у нас своих что ли нет? А мы к вам в гости больше ни ногой!

Собралась, и громко хлопнув дверью, выскочила вместе с Лешкой в подъезд.

– Надо, чтобы дети сами решали такие вопросы, – покачал головой папа, когда все стихло.

– Дели пополам, ладно? – посмотрела на меня мама. – Если есть возможность, всегда нужно делиться. Это очень приятно.

Я посмотрела на нее и кивнула. Но ничего приятного в том, что только что произошло, не увидела. А потому, посчитала эту идею слегка сомнительной.

Лешка все-таки пришел снова к нам в гости, примерно через полгода. Были летние каникулы, и его не с кем было оставить дома. А потому баба Вера завела его к нам, коротко поблагодарила и вышла. Маме она оставила одну маленькую шоколадку.

– Это вам на всех, – сказала она.

Мама молча приняла дар. А я, помня про ее наставление, достала из школьного пенала линейку. И мы с Лешкой принялись вместе отмерять, где будет ровно половина.

Шоколадка была восемь с половиной сантиметров в длину, и ровно не резалась. Поэтому, раскрошив почти целую дольку ножом, мы съели столько, сколько каждый успел. И остались очень довольны.

Потом родители достали домино, и мы принялись все вместе играть. Но Лешка шепотом сказал мне:

– У меня есть еще одна шоколадка. Бабушка дала мне еще одну. Хочешь? – он весело глянул на меня. И вытащил край большой шоколадки из кармана.

Мне стало так приятно, что тоже захотелось ему что-нибудь предложить:

– А у нас есть арбуз и целая связка бананов, – выпалила я. – Пошли!

Радостные, мы выложили все наши сокровища на стол. И стали за обе щеки уплетать арбуз, бананы и шоколад.

И было совсем не жалко. А очень даже приятно. Как и говорила мама.

Кстати, я потом заметила, что когда ты с кем-то делишься, другой человек непременно отвечает тебе взаимностью. На свете очень мало людей, которые не получают удовольствия от того, что делятся чем-то.

Скорее наоборот: получается так, что тебе очень приятно делиться. И при этом в ответ ты получаешь еще больше.

ПЛАКСА

В моем классе была очень злая девочка Люська. Я даже Люсей ее назвать не могу. Люська и все.

Она всегда тянула руку, чтобы рассказать учительнице, кто списал домашку, кто на самом деле не болеет, и кто проскочил в школу без сменки. А еще, сама обзывала всех, а потом говорила, будто бы это ее обидели.

Люська была внучкой директора школы, и все учителя ее очень любили. А Зоя Степановна, наша классная руководительница, всегда хвалила и ставила в пример.

Но мы не знали никого злее Люськи на всем белом свете. И никто не хотел с ней дружить.

Как-то раз зимой я так долго переодевалась, что опоздала на первый урок. И меня посадили вместе с Люськой, которая обычно сидела одна.

Училась она хорошо, а я – не очень. Но знала, что маму всегда радуют мои отличные отметки. Поэтому, когда учительница начала диктовать слова под запись, осторожно скосила взгляд в сторону люськиной тетрадки. И разборчиво и уверенно переписала все, что там увидела.

Тетради с оценками должны были раздать через несколько дней. И почти всю неделю я ходила в радостном предвкушении того, как мама будет рада моей пятерке. И как с папой мы поедем в цирк, станем есть мороженое и сладкую вату. А еще он непременно покатает меня на спине.

Когда раздали тетрадки, я с нетерпением стала перелистывать страницы в надежде увидеть заветную оценку. Но когда открыла последний исписанный лист – в ужасе замерла. Двойка. У меня была двойка.

Как это возможно? Неужели Люська не такая уж и умная? Я так растерялась, что несколько минут не могла шелохнуться. Но на перемене, когда почти все вышли из класса, я подошла к люськиной парте и аккуратно достала ее тетрадь.

Большими буквами в ней было написано: «Молодец!», и стояла пять.

Неужели я списала у нее не то? Я принесла свою тетрадь и нервно стала сверять каждое слово. Все до последней буквы в наших тетрадях совпадало. И даже почерк был похож. А оценки – разные...

Зоя Степановна застучала меня, подходя к своему столу:

– Ксюша?

Я повернулась к ней, и руки мои дрожали:

– Зоя Степановна, – сказала я слегка нервным голосом, – почему у меня двойка? А у Люси – пять? Все ведь одинаково.

Она нахмурила брови:

– Потому что, Ксюша, каждый получает то, что заслужил. Например, вранье стоит два балла.

Меня будто обожгли ее слова. Стало жутко стыдно, неловко, страшно и захотелось убежать. Слезы полились градом на обе тетради.

– Нечего тут плакать, – строго сказала она. – Иди за парту.

Прозвенел звонок на урок. Люська зашла в класс и увидела свою мокрую тетрадь, а потом и краснощеку меня, сидящую через две парты:

– Ты что сделала? Фууу, плакса! – крикнула она и кинула в меня карандашом.

– Плакса, плакса, – вскрикнуло еще несколько смеющихся детских голосов, и я перестала плакать.

Больше я плакать не буду никогда, – подумала я. – И общаться с противной Люськой – тоже.

Когда я вернулась домой, я не стала говорить маме про двойку. Просто сидела и злилась. Но не плакала.

Не плакала, даже когда сломала любимую кружку. И даже когда вечером упала с санок в сугроб и сильно ушибла колено.

Мама склонилась надо мной, отряхивая снег и пытаясь меня поднять:

– Очень больно? – спросила она. – Давай подую.

– Не надо, – отстранила я ее. – У меня все в порядке. Я не плачу.

– И очень странно, – почему-то развеселившись, сказала она. – Я вот всегда плачу. Особенно когда так больно падаю, еще и лицом в сугроб.

– А я – никогда, – нахмурилась я.

Мама засмеялась:

– Ну, и зря. Если все держать в себе, жизнь будет очень тяжелой.

– Почему это? – удивилась я, но не сдавала своих упрямых позиций.

– Потому что у нас очень много чувств внутри, – улыбнулась она, – и они никуда не исчезают. Они в нас копятся, а когда их становится слишком много – давят. Поэтому плакать – не плохо.

Я залезла обратно на санки. Идти до дома самой было больно.

– Даже наоборот, – мама положила мне на ноги одеяло. – Слезы помогают нам справиться с любой ситуацией, сбросить стресс. Поплачешь, и сразу легче. Поэтому, когда больно и хочется плакать – надо плакать.

– Надо? – спросила я, глядя им в спину.

Папа вез меня домой по заснеженной улице.

– А почему бы и нет? – поддержал он. – Я тоже иногда плачу. Особенно когда смотрю с мамой грустные фильмы.

– И ты тоже? – не поверила я. – Вообще-то, мужчины не плачут!

Я насупилась.

– Все мы – люди! – объявила мама.

– А если вас увидят, и потом назовут плаксами?

Я вспомнила Люську с ее каменным лицом и прищурилась, глядя на маму.

– И пусть назовут! – обернувшись ко мне, сказала она. – Для кого-то твои чувства могут быть неудобными. Но для твоего здоровья они – самое важное. Не нужно заставлять себя не чувствовать. Наоборот, я хочу, чтобы ты знала, что ты всегда можешь ко мне прийти и поплакать. А я тебя пойму.

Вот, Люська злая! – подумала я и обмякла. – И почему я ей поверила, что плакать – стыдно?

И рассказала родителям обо всем, что случилось в школе. А мама гладила меня по голове и совсем не ругала.

А папа потом сказал, что оценки – это не самое главное. Он итак купит мне мороженое и покатает на спине. Главное, просто делать так, как я могу. Хоть на кол, хоть на два, хоть на три, хоть на десять баллов. Но самой!

Я потом весь год вспоминала папины слова. И каждый раз, когда мне не хотелось что-то делать, я говорила себе: «Я могу сделать хоть на кол!». А получалось намного лучше.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Каждое воскресенье вся наша большая семья собиралась на кухне, чтобы поужинать вместе.

Мама с бабушкой весь день проводили у плиты, стряпая пироги и запекая в духовке курицу с картофельными дольками по особенному семейному рецепту. Я тоже любила в этот день ходить между столами и наблюдать, как совершается кулинарное мастерство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.